

На правах рукописи

ШАКАР РЕШАТ

**СТРОЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Клобуков Евгений Васильевич

Официальные оппоненты: **Рацбурская Лариса Викторовна**
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой современного
русского языка и общего языкознания
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского»

Маркелова Татьяна Викторовна
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русского языка
и литературы НОУ ВПО «Институт современного
искусства»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Государственный институт русского
языка имени А.С. Пушкина»

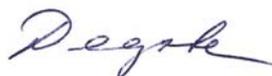
Защита диссертации состоится 15 марта 2017 года в 14 часов 30 мин. на
заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119992,
ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный
корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на
сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»:

http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2017_SakarR_diss_10.02.01_19.pdf

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Дедова Ольга Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению основных аспектов строения словообразовательного поля одушевлённости в современном русском языке на материале суффиксальных производных.

Под словообразовательным полем одушевлённости в нашем исследовании понимается целостная система словообразовательных категорий, служащих для выражения значения 'живое существо' и некоторых других значений, объединяемых семантическим признаком одушевлённости. Так, относящиеся к различным словообразовательным категориям отглагольные, отадективные и отсубстантивные дериваты типа *номинант* (← *номинировать*), *левак* (← *левый*), *биоритмолог* (← *биоритмология*) и т.п., непосредственно выражающие своими словообразовательными формантами значение 'живое существо', представляют одно и то же словообразовательное поле, являющееся объектом нашего исследования.

Начало изучения русского словообразования как системы словообразовательных категорий (прежде всего категорий суффиксального типа) было положено исследованиями В.В. Виноградова, опубликованными в 40-е – 50-е гг. XX века¹.

Термин «словообразовательное поле» был введен в практику словообразовательного анализа О.Г. Ревзиной, разграничившей в 1969 г. в рамках субстантивных дериватов три словообразовательных поля: деятеля, вещи и действия-состояния². Вслед за О.Г.Ревзиной понятие словообразовательного поля было использовано в трудах Е.А.Земской³ и Л.А.Араевой⁴, а также в коллективной монографии «Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике» (Ростов-на-Дону, 1998), в диссертационных исследованиях таких учёных, как Л.С.Абросимова (1994), Е.С.Милькевич (1996), И.Ф.Погребная (1998), В.Р.Саркисянц (2003), С.В.Гудилова (2005), Л.А.Никитина (2005), М.М.Бричева (2006). Вопросы теории словообразовательного поля рассматриваются также в статьях

¹ Теории словообразовательных категорий посвящена опубликованная В.В.Виноградовым в 1952 г. статья «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (переизд. в кн.: *Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* М.: Наука, 1975. С. 166-220). См. также разделы, посвящённые именно словообразованию, в его монографии «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» (М.; Л.: Учпедгиз, 1947), а также в академической «Грамматике русского языка» / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной и С.Г. Бархударова (Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952; переизд. 1960) и в университетском учебнике «Современный русский язык: Морфология» / Под ред. В.В. Виноградова (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952).

² *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

³ *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

⁴ *Араева Л.А.* Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009.

Е.В.Весёлой, И.А.Вотяковой, Е.С.Дьячковой, А.Я.Загоруйко, Е.В.Клобукова, М.И.Носачёвой, З.А.Харитончик, Н.С.Шавкун, Ю.А.Шепеля и других исследователей.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена тем, что словообразовательное поле одушевлённости до сих пор не стало объектом комплексного монографического исследования, хотя языковые поля разных уровней весьма активно изучались в течение последних десятилетий. В специальной литературе детально характеризовались лишь отдельные сегменты деривационной подсистемы, обозначаемой нами как словообразовательное поле одушевлённости. В частности, активно изучался класс дериватов с личным значением, см. труды В.В.Виноградова, словообразовательные разделы в академических грамматиках русского языка (1952/1960; 1970; 1980) и университетских учебных пособиях по русскому словообразованию, диссертационные исследования Ю.И.Кашевской (1970), В.А.Щебниковой (1973), З.А.Монастыренко (1978), Е.Д.Бесценной (1980), И.Г.Анищенко (1984), И.А.Долгова (1984), И.А.Пугачева (1987), И.В.Тихоновой (1996), М.Журек (1997), Е.Г.Степановой (2005), М.Е.Щербаковой (2006), Н.К.Мазуриной (2007), а также ряд научных статей по указанной проблематике.

Другие фрагменты анализируемого в диссертации словообразовательного поля (прежде всего класс производных зоонимов, см. исследования В.И.Максимова, С.М.Васильченко, Л.А.Юмаевой, С.Р.Тлехатук, Е.В.Гусевой и других учёных), как правило, не анализируются в плане их системного соотношения с личными и иными дериватами поля. Между тем ещё в 1969 г. О.Г.Ревзина подчёркивала, что с классом личных дериватов тесно связан как общим значением одушевлённости, так и формальными словообразовательными особенностями класс дериватов-зоонимов⁵. Как показано в нашей диссертации, словообразовательное поле одушевлённости включает и другие лексические классы дериватов. Таким образом, словообразовательное поле одушевлённости нуждается в специальном исследовании как целостная деривационная подсистема языка.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий, выполненных выдающимися учёными в области общего и русского языкознания (см., в частности, труды А.В.Бондарко, Ю.Н.Караулова, А.М.Кузнецова, А.А.Уфимцевой и др.), было показано, что привлечение приёмов полевых подходов к описанию языкового материала позволяет выявить системные свойства лексических и грамматических категорий. Однако при изучении словообразовательных категорий методики полевых анализа используются ещё недостаточно активно.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что все дериваты, так или иначе выражающие своими словообразовательными формантами значение 'живое существо', образуют организованную по принципу языкового поля целостность взаимосвязанных словообразовательных категорий – словообразовательное поле одушевлённости.

⁵ Ревзина О.Г. Указ .соч. С. 10.

Цель диссертационного исследования состоит в детальном описании всех основных аспектов строения данного словообразовательного поля в современном русском языке.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

1) установление полного перечня словообразовательных типов, прямо или косвенно указывающих благодаря своей словообразовательной структуре на значение 'живое существо', являющееся производным от значения одушевлённости);

2) сведение всех одушевлённо-маркированных словообразовательных типов к словообразовательным категориям, определение границ между этими категориями, выявление закономерностей межкатегориального взаимодействия;

3) установление различных аспектов структуры словообразовательного поля одушевлённости: выявление микрополей в рамках анализируемого поля, распределение словообразовательных категорий и входящих в эти категории словообразовательных типов по сегментам анализируемого поля (основными из которых являются его центральная и периферийная зоны), разграничение структурных компонентов в рамках каждой из указанных зон поля одушевлённости.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней:

1) уточнено и конкретизировано понятие словообразовательного поля одушевлённости как важной части русской словообразовательной системы, как комплекса взаимосвязанных словообразовательных категорий, объединённых общим значением 'живое существо', выражаемым деривационными средствами;

2) выявлена система семантических категорий, определяющих объём словообразовательного поля одушевлённости;

3) охарактеризованы связи словообразовательного поля одушевлённости с другими словообразовательными полями в рамках номинативной, экспрессивной и стилистической деривации;

4) определено соотношение словообразовательного поля одушевлённости со смежными языковыми полями – лексико-семантическим полем одушевлённости, функционально-семантическим полем одушевлённости-неодушевлённости и словообразовательным полем неодушевлённости;

5) сформулированы принципы разграничения различных аспектов структуры словообразовательного поля одушевлённости: соотношения, с одной стороны, разных микрополей в рамках изучаемого поля, а с другой – разграничения центральной и периферийной зон поля (и, соответственно, компонентов указанных зон поля).

Теоретическая значимость работы обусловлена разработкой в диссертации теории языкового поля применительно к словообразовательной системе, обоснованием важности применения понятия поля при анализе словообразовательного материала, установлением места словообразовательного поля в системе комплексных единиц словообразования и в системе языковых полей.

Практическая значимость работы определяется тем, что выводы и материалы исследования могут быть использованы в общем курсе «Современный русский язык: словообразование» для бакалавров-филологов, в спецкурсах и спецсеминарах по

системному и функциональному словообразованию, в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, в исследовательской практике – при изучении и описании других словообразовательных полей русского языка и динамики их развития в языке XXI века.

На защиту выносятся следующие положения:

1) словообразовательное поле – это не совокупность деривационных средств, а система производных слов, упорядоченная в рамках взаимосвязанных словообразовательных категорий, каждая из которых объединяет ряд словообразовательных типов, обладающих общностью деривационного значения;

2) словообразовательное поле – одна из важнейших комплексных единиц словообразования, которая замыкает и организует ряд словообразовательных единиц (словообразовательный тип – словообразовательная категория – словообразовательное поле), используемых в рамках «типового» направления изучения словообразовательной системы, подобно тому, как словообразовательное гнездо – это комплексная единица, замыкающая и организующая ряд словообразовательных единиц, используемых в рамках «гнездового» подхода к описанию системы словообразования (словообразовательная цепь – словообразовательная парадигма – словообразовательное гнездо);

3) содержательной основой словообразовательного поля одушевлённости является семантическая сфера, базирующаяся на противопоставлении ряда семантических признаков, основными из которых являются: (1) 'лицо' – 'нелицо' (животное); 2) 'реальность' – 'ирреальность' (ср. противопоставление реальных и ирреальных лиц и животных типа *магистрант, верблюжонок; леший, русалка* и пр.);

4) необходимо разграничивать два основных аспекта изучения и описания структуры словообразовательного поля одушевлённости: 1) соотношение различных микрополей в рамках данного поля; 2) противопоставление центральной и периферийной зон поля одушевлённости, различия между которыми связаны с тем, непосредственно или опосредованно деривационное значение словообразовательных категорий, входящих в данный сегмент поля, соотносится с системообразующим для данного поля значением 'одушевлённость';

5) каждое из микрополей, устанавливаемых в рамках анализируемого в диссертации словообразовательного поля, базируется на особом лексико-грамматическом классе (антропонимов, зоонимов, а также антропоморфных и зооморфных существ типа *домовой, Чебурашка*); прототипическим микрополем анализируемого поля являются антропонимы, все остальные микрополя обладают как чертами сходства с данным микрополем, так и деривационными различиями;

6) центральная зона словообразовательного поля одушевлённости включает словообразовательные категории, которые благодаря своему деривационному значению непосредственно указывают на одушевлённость; в рамках центральной зоны поля выделяются ядро поля (включающее регулярные и продуктивные словообразовательные типы) и приядерный сегмент (внутри которого непродуктивные словообразовательные типы различаются по степени регулярности:

чем регулярнее тип, тем ближе он к ядру поля), а также припериферийный сегмент, объединяющий нерегулярные и непродуктивные словообразовательные типы;

7) периферийная зона анализируемого поля включает все словообразовательные категории, которые лишь косвенно, хотя и вполне однозначно, соотнесены с понятием одушевлённости; в рамках этого сегмента поля различаются две части – ближняя периферия (семантически связанная с системообразующим концептом одушевлённости) и дальняя периферия (содержащая прежде всего словообразовательные типы, связанные со значением одушевлённости не по своей деривационной семантике, а лишь по способности образовывать одушевлённые имена);

Источниками языкового материала, анализируемого в диссертации, являются прежде всего словари: «Большой академический словарь русского языка» [БАС₁ и БАС₂], «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю.Шведовой [СемС], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А.Кузнецова [ТС], «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н.Тихонова [ТихС], «Грамматический словарь русского языка: Словоизменение» А.А.Зализняка [Зал.] и дополнение к этому словарю на базе лексики конца XX – начала XXI вв. [Е.А.Гришина, О.Н.Ляшевская – Электронный ресурс], а также «Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика» под ред. Г.Н.Скляревской [ТС XXI] и другие лексикографические источники (в ходе исследования был использован 31 словарь-источник), а также материалы академических грамматик русского языка (1952; 1970; 1980), специальных исследований по русскому словообразованию, языковые примеры из СМИ и Интернета. В ходе исследования нами было проанализировано более 10 000 лексических единиц (слов и одушевлённых лексико-семантических вариантов многозначных слов).

Языковой материал был получен в результате сплошной выборки одушевлённых существительных из словарей-источников.

При изучении материала применялись следующие **методы лингвистического анализа**: метод системного словообразовательного анализа, позволяющего определять словообразовательные типы и объединять их в словообразовательные категории, метод полевой лингвистики, благодаря которому языковая подсистема анализируется как поле, обладающее центром и периферией, описательный метод, включающий наблюдение над языковыми фактами и их сопоставление.

Апробация работы. Диссертационное исследование было обсуждено на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (декабрь 2016 г.). Основные положения и результаты работы были изложены в докладах автора на двух международных научных конференциях: на VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, ноябрь 2015) и на XXIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2016» (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, апрель 2016), а также в семи статьях по теме диссертации общим

объёмом 4,7 п.л. Три статьи опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ; одна статья вышла в свет в зарубежном научном журнале, который индексируется в международных информационных системах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии.

Во Введении обосновывается актуальность исследования, охарактеризованы объект и предмет изучения, языковой материал и методы исследования, сформулированы цель и задачи диссертационной работы, определены её научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе излагаются теоретические основания изучения словообразовательных полей, анализируется семантика одушевлённости и устанавливается система семантических противопоставлений, лежащая в основе словообразовательного поля одушевлённости.

Вторая глава работы посвящена общей формально-семантической характеристике словообразовательного поля одушевлённости, выявлению его места в системе языковых полей.

В третьей главе рассматривается система микрополей, формирующих словообразовательное поле одушевлённости.

Принципам разграничения центральной и периферийной зон словообразовательного поля одушевлённости (и строению каждой из названных зон) посвящена четвертая глава диссертации.

В заключении формулируются общие выводы проведённого исследования.

Библиография содержит 431 наименование научных работ по теме диссертации, использованных в ходе проведённого исследования, а также перечень словарей – источников языкового материала. Завершает работу список используемых в диссертации сокращений.

Основной текст диссертации изложен на 248 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава («Словообразовательное поле одушевлённости и его содержательная основа») состоит из 5 разделов.

В разделе 1.1 данной главы («Языковое поле как особый объект лингвистического изучения») рассматривается понятие языкового поля в лингвистике с опорой на идеи, высказанные немецким учёным Йостом Триром в начале 30-х гг. XX и получившие развитие в трудах современных лингвистов (А.А.Уфимцевой, С.Г.Щура, Ю.Н.Караулова, А.В.Бондарко, Л.А.Новикова, М.В.Всеволодовой и др.). Как писал Л.А.Новиков, «понятие поля в лингвистике – аналог соответствующих понятий в других науках (ср. электромагнитное, гравитационное поле в физике)»; языковое поле – это «обозначение “напряжённого семантического пространства” внутренне связанных единиц...»⁶. Первоначально идеи полевых анализа активно

⁶ Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 554.

использовались при изучении лексико-семантической системы языка. Начиная со второй половины XX в. понятие языкового поля стало активно использоваться в других разделах лингвистики, прежде всего в морфологии и функциональной грамматике, а затем и в словообразовании.

В разделе 1.2 («Полевая природа словообразования») показано, что методы полевого анализа языкового материала, которые были успешно использованы в лексикологии и функциональной грамматике, могут, по мнению многих учёных, найти применение и в словообразовании. По мнению Л.А.Араевой, словообразовательная система как один из уровней общей языковой системы «представляет собой сложную организацию горизонтальных и вертикальных микрополей»⁷. Как отмечает Л.А.Араева, полевые характеристики словообразовательных явлений нагляднее выявляются на примере словообразовательных типов.

В реферируемой диссертации показано, что и другие подсистемы словообразования также организованы по принципу поля. Полевая организация характерна для словообразовательных категорий в понимании В.В.Виноградова, для словообразовательного гнезда (А.Н.Тихонов) и некоторых других явлений словообразования. Таким образом, на разных участках словообразовательной системы можно наблюдать полевую организацию языкового материала.

О.Г.Ревзиной была обнаружена и описана комплексная единица словообразования, которая настолько отчётливо проявляет свойства языкового поля, что именно она получила название «словообразовательное поле» в собственном, узком смысле данного лингвистического термина.

Раздел 1.3 («Понятие словообразовательного поля») посвящен пониманию словообразовательного поля в современном русском языке. Здесь подчеркивается, что термин «словообразовательное поле» (в отличие от терминов «семантическое поле», «ассоциативное поле») является сравнительно новым для языкознания, он пока не нашёл отражения в основной справочной литературе по лингвистике, не используется данный термин и в академических грамматиках русского языка, в «Русской корпусной грамматике» [РКГ URL], а также в вузовских учебниках русского языка для студентов-филологов. Между тем, как было уже сказано во вводной части реферата, термин «словообразовательное поле», введённый в научный оборот в монографии О.Г.Ревзиной (1969), был затем активно использован в целом ряде исследовательских работ по русскому словообразованию.

В § 1.3.2 даётся определение словообразовательного поля, предложенное О.Г.Ревзиной. Словообразовательное поле, как полагает О.Г.Ревзина, «представляет собой набор суффиксов, связанных определенными парадигматическими отношениями. Эти отношения могут быть многоплановыми и могут принимать различную форму»⁸. По мнению О.Г.Ревзиной, в рамках суффиксальной системы

⁷ Араева Л.А. Указ. соч. С. 46.

⁸ Ревзина О.Г. Указ. соч. С. 12.

образования субстантивных дериватов в русском и других славянских языках можно выделить три словообразовательных поля: поле деятеля, поле действия-состояния и поле вещи. Внутри каждого из полей «выявляются обязательные различия суффиксов по дистрибуции и продуктивности, формирующие структуру поля», а также возможные «различия суффиксов по выражаемым ими добавочным значениям (кваликативным признакам)»⁹.

В § 1.3.3 («Развитие понятия словообразовательного поля в свете лингвистических идей конца XX – XXI века») излагается одна из основополагающих идей диссертации – о том, что элементарными компонентами словообразовательного поля являются не словообразовательные форманты сами по себе, а производные слова как минимальные единицы словообразовательной системы, содержащие такие форманты. Но дериваты входят в словообразовательные поля не непосредственно, а как представители словообразовательных типов, которые в свою очередь являются составными частями словообразовательных категорий. Поэтому непосредственными компонентами словообразовательного поля являются словообразовательные категории, объединяемые общностью деривационной семантики.

В § 1.3.4 («Понимание словообразовательного поля в данной диссертации») делается вывод о том, что под словообразовательным полем одушевлённости целесообразно понимать упорядоченную совокупность словообразовательных категорий, объединяемых тождеством концепта ‘живое существо’.

Каково место словообразовательного поля в системе словообразования? Есть основания полагать (см. исследования Е.В.Клобукова), что словообразовательное поле является одной из важнейших единиц словообразовательной системы. Это единица замыкает и организует ряд комплексных единиц словообразования (тип – категория – поле), используемых при «типовом» подходе к словообразованию. При «гнездовом» подходе к словообразованию такую же организующую функцию для словообразовательных парадигм и цепей выполняет словообразовательное гнездо.

В разделе 1.4 («Семантическая категория как основа словообразовательного поля») обращается внимание на то, что у большинства языковых полей семантические категории бывают выражены на разных уровнях языковой системы – лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами. В диссертации поддерживается идея А.Г.Нарушевича и А.П.Володина о необходимости выделения особого функционально-семантического поля (ФСП) одушевлённости-неодушевлённости. Анализируемое в диссертации поле одушевлённости является частью указанного ФСП.

Раздел 1.5 («Семантическая категория одушевлённости как языковая категория») посвящён общей характеристике системообразующей для анализируемого поля категории одушевлённости; данная категория рассматривается как одна из субкатегорий в рамках универсальной языковой категории одушевлённости-неодушевлённости.

⁹ Ревзина О.Г. Указ. соч. С. 6.

В § 1.5.1 («Номинативная природа семантической категории одушевлённости-неодушевлённости») отмечается, что при рассмотрении семантической природы категории одушевлённости-неодушевлённости в целях описания русского словообразования целесообразно исходить из того, что данная семантическая категория принадлежит сфере номинации, это категория с номинативным, а не «синтаксическим» содержанием.

В § 1.5.2 («Номинативное содержание одушевлённости») обсуждается вопрос о том, что в рамках семантической категории одушевлённости-неодушевлённости выделяются, как это следует уже из общепринятого названия этой категории, два центра, два категоризирующих значения: ‘одушевлённость’ и ‘неодушевлённость’. В данной оппозиции исходным, ключевым является значение одушевлённости, которое требует специального определения с опорой на различительные признаки. Вопреки утверждениям некоторых учёных, проявления живых существ вовсе не ограничиваются особыми видами физического движения в отличие от неодушевлённых субстанций. Для живых существ характерен целый ряд других «высших» видов действий, состояний, отношений, признаков, часто вообще не связанных с движением и с мускульными усилиями, – физиологических, эмоционально-психических, интеллектуальных и социальных.

В § 1.5.3 («Место категории одушевлённости в системе семантических категорий русского языка и ее внутренняя структура») обосновывается положение о том, что семантическая категория, которая является основанием для выделения анализируемого поля одушевлённости, принадлежит второму уровню иерархической структуры семантической категории одушевлённости-неодушевлённости, являясь субкатегорией в рамках названной бинарной категории.

§ 1.5.4 («Одушевлённость и неодушевлённость: некоторые особенности установления границы между двумя семантическими сферами») посвящён принципиальному отграничению семантически одушевлённых субстантивов типа *лётчик, гусь* от семантически неодушевлённых слов, обозначающих артефакты типа *робот, киборг* и т.п., имитирующих некоторые аспекты деятельности живых существ.

Вторая глава диссертации («Место словообразовательного поля одушевлённости в системе языковых полей») состоит из двух разделов.

В разделе 2.1 («Функционально-семантическое поле как языковая среда для словообразовательного поля одушевлённости») анализируется общая характеристика функционально-семантических полей (ФСП).

В § 2.1.1 («Понятие функционально-семантического поля (ФСП) и система ФСП в русском языке») даётся определение ФСП. Как писал А.В. Бондарко, «функционально-семантическое поле (ФСП) – это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории. Можно

сказать, что ФСП – это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой средств ее выражения в данном языке»¹⁰.

В специальной литературе отмечалось, что рамках функционально-семантических исследований конца XX в. были рассмотрены далеко не все семантические категории¹¹. Более основательно с функциональной точки зрения описаны прототипически «глагольные» семантические категории ('аспектуальность', 'темпоральность' и др.) и менее детально – категории с прототипическим именным выражением (например, категории биологического пола и одушевлённости).

В § 2.1.2 («Проблема выделения функционально-семантического поля одушевлённости-неодушевлённости») излагается точка зрения Л.Ельмслева, М.А.Кронгауза, А.П.Володина и других учёных, утверждавших, что одушевлённость-неодушевлённость, как и биологический пол, являются универсальными семантическими категориями, реализуемыми в разных языках мира. Поэтому ФСП одушевлённости-неодушевлённости должно быть объектом внимания лингвистов (особенно специалистов в области русской грамматики), потому что 1) существует семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости, 2) эта семантическая категория находит в русском языке грамматикализованное выражение – в виде особой морфологической категории одушевлённости-неодушевлённости (как полагал А.В.Бондарко, наличие в центре ФСП морфологической категории не является обязательным, но в принципе помогает его установлению).

В § 2.1.2.1 («Морфологические средства ФСП одушевлённости-неодушевлённости») обращается внимание на то, в русском тексте морфологическая категория одушевлённости-неодушевлённости реализуется реже, чем лексические средства с тем же содержанием. Тем не менее наличие морфологической категории одушевлённости-неодушевлённости – очень важный аргумент в пользу выделения особого ФСП.

В § 2.1.2.2 («Лексические средства ФСП одушевлённости-неодушевлённости») автор приходит к выводу, на уровне лексической системы универсальная семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости обычно не доминирует в таксономических схемах. В «Русском семантическом словаре» [СемС: 52-54] семантика одушевлённости подчинена смысловому противопоставлению: 'имена предметов' vs. 'непредметные имена', будучи включённой в рамках обозначения предметных имен в оппозицию 'живое' vs. 'неживое'. Говоря о частотности выражения одушевлённости лексическими средствами ФСП, необходимо подчеркнуть, что те же значения параллельно выражаются у некоторых субстантивных словоформ и морфологическими средствами. Всё сказанное свидетельствует о том, что теория функциональной грамматики конца прошлого века, подчеркивая второстепенность лексических средств в рамках ФСП по сравнению с

¹⁰ Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17.

¹¹ Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В. Теория функциональной грамматики (обзор) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, №5. С. 62-72.

грамматическими, явно недооценивала роль лексических компонентов в организации некоторых видов ФСП.

В § 2.1.2.3 («Словообразовательные средства ФСП одушевлённости-неодушевлённости») отмечается, что весьма важен словообразовательный аспект рассматриваемой нами проблемы соотношения разноуровневых средств выражения одной и той же семантической категории. Благодаря исследованиям Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, А.Н. Тихонова и других учёных стало ясно, что дихотомия «лексическое» ↔ «грамматическое» на уровне слова не отражает всего многообразия природы слова. Поэтому она должна быть заменена противопоставлением трёх аспектов формально-семантической организации слова: лексического, грамматического и словообразовательного (см. подробнее в исследованиях И.Г. Милославского).

Раздел 2.2 («Словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости: системный и функциональный подходы») посвящен функциональной значимости и структуре словообразовательного компонента ФСП одушевлённости-неодушевлённости.

В § 2.2.1 отмечено богатство средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости на словообразовательном уровне. Изучение результатов описания словообразовательной системы русского языка в исследованиях В.В. Виноградова, Е.А. Земской, В.В. Лопатина и других ученых показывает, что в деривационной системе русского существительного можно разграничить как минимум 416 субстантивных словообразовательных типов, непосредственно связанных с проблемой выражения семантики одушевлённости-неодушевлённости: отглагольных (*кормилец, спальня, мигач*), отсубстантивных (*трамвайщик, помощник, символизм*) и отадаъективных (*учебник, специалист, кислятина*) и некот. др.

Эти типы группируются в словообразовательные категории. Так, 27 отглагольных типов с суффиксами *-аг(а)* (*бродяга, деляга*), *-ак(а)* (*кривляка, ломака*), *-арь* (*лекарь, пекарь*), *-ул(я)* (*замазуля, вообразуля*), *-х(а)* (*вытивоха, пряха*) и т.п. объединяются в словообразовательную категорию 'названия живых существ, мотивированные глаголами'. Все подобные словообразовательные категории и формируют в совокупности словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости.

В § 2.2.2 («Словообразовательное поле одушевлённости в структуре словообразовательного сегмента ФСП одушевлённости-неодушевлённости») подчеркивается, что словообразовательный сегмент данного ФСП по причине бинарного строения лежащей в основе поля семантической категории представляет собой единство двух больших взаимосвязанных словообразовательных полей: поля одушевлённости и поля неодушевлённости.

В нашем исследовании анализируется только словообразовательное поле одушевлённости, представляющее особый объект словообразовательного анализа. Точно так же в исследовании О.Г. Ревзиной (1969) словообразовательное поле

«деятеля» характеризуется как самостоятельная словообразовательная подсистема по отношению к другим словообразовательным полям – «вещи» и «действия-состояния».

Словообразовательные поля одушевлённости и неодушевлённости связаны между собой тем, что 1) реализуют противопоставленные значения одной и той же семантической категории и 2) входят в деривационное микрополе – в словообразовательный сегмент ФСП одушевленности-неодушевленности.

Словообразовательное поле одушевлённости представляет собой целостную совокупность ряда словообразовательных категорий, информирующих о том, что дериваты, входящие в данные категории, являются обозначениями живых существ.

Так, например, словообразовательная категория отглагольных одушевлённых существительных (ср. дериваты: *пекарь; враль* и т.п.) представлена, как показывает изучение языкового материала, 26-ью словообразовательными типами. Деривационными формантами этих типов являются суффиксы *-льщик (болельщик), -лец (владелец), -ак(а) (куряка), -ул(я) (замазуля), -х(а) (растеряха), -с(а) (плакса), -ц(а) (убийца), -уг(а) (хапуга)* и т.п. Данное словообразовательное включает также обширные словообразовательные категории отсубстантивных (*водопроводчик, поселенец, журналист, историк, диссертант, пенсионер, балетмейстер* и т.п.) и отадективных дериватов (*специалист, бедняга, хитрюга, капризуля, малышка, великан, левша* и т.п.).

Этому словообразовательному полю четко противопоставлено поле, включающее словообразовательные категории неодушевлённых дериватов. Такова, например, словообразовательная категория, включающая 76 типов отглагольных существительных – с суффиксами *-льн(я) (красильня), -ищ(е) (жилище), -ин(а) (трещина), -ив(о) (месиво), -ённость (договорённость), -ниц- (растение), -н(я) (пашня), -н' (ткань), -итур(а) (политур), -сн'(а) (песня)* и т.п.

Почему одни словообразовательные типы связаны с выражением только значения одушевлённости, а другие – только неодушевлённости? Ответ, казалось бы, очевиден, всё дело в суффиксе: одни суффиксы совместимы с первым из указанных значений, а другие – со вторым.

Но есть, однако, и третья группа словообразовательных типов, каждый из которых характеризуется каким-то одним определенным суффиксом, но при этом образует как одушевлённые, так и неодушевлённые существительные.

Ср. словообразовательные типы отглагольных существительных с суффиксами *-ник (заточник 'рабочий, занимающийся заточкой чего-л.' и зимовник 'зимнее помещение для животных, проводящих лето на пастбище'), -лк(а) (гадалка и молотилка), -ух(а) (стрекотуха и развалюха), -ниц(а) (возница и гостиница), -ень (сидень и плетень)* и т.д.

При таком, широком, подходе к характеристике деривационных средств словообразовательные типы, включающие одновременно как одушевлённые, так и неодушевлённые существительные, могут пониматься по-разному.

Они, прежде всего, могут рассматриваться как составляющую особую словообразовательную зону вне конкретных словообразовательных полей. Причиной

является то, что ни один из таких словообразовательных типов не выражает определенных указаний на одушевленность или неодушевленность дериватов. Такие типы могут рассматриваться как своего рода «ничейная территория» по отношению к словообразовательным полям одушевленности и неодушевленности.

Но возможен и другой, более конструктивный в подход к таким «смешанным» типам. Они могут считаться входящими и в то, и другое поле одновременно: одна часть дериватов данного типа (типа *вихляй*) относится к полю одушевленности, а другие дериваты того же словообразовательного типа (например, *урожай*) – к полю неодушевленности.

Можно было бы в развитие этого подхода продумать алгоритмы формального разграничения одушевленных и неодушевленных сегментов подобных словообразовательных типов. Мы попытались это сделать на материале отглагольных словообразовательных типов (ср. одушевленные дериваты типа *ездок*, *игрок* и неодушевленные дериваты типа *каток*, *росток* в рамках одного и того же словообразовательного типа отглагольных существительных). Подобных типов отглагольных существительных можно выделить немало – 26.

Все одушевленные дериваты этого словообразовательного типа образуются от одушевленно-маркированных глаголов, субъектом действия которых может быть только человек или животное *подкидыши* (←*подкидывать*), *приблудыши* (←*приблудиться*), *приёмыши* (←*принимать*) и т.п.

Однако из сказанного не следует, что неодушевленные дериваты рассматриваемого типа могут быть образованы только от неодушевленно-маркированных глаголов, ср.: *вкладыши* (←*вкладывать*), *выигрыши* (←*выиграть*), *катыши* (←*катать*) – эти и подобные неодушевленные дериваты образованы от одушевленно-маркированных глаголов.

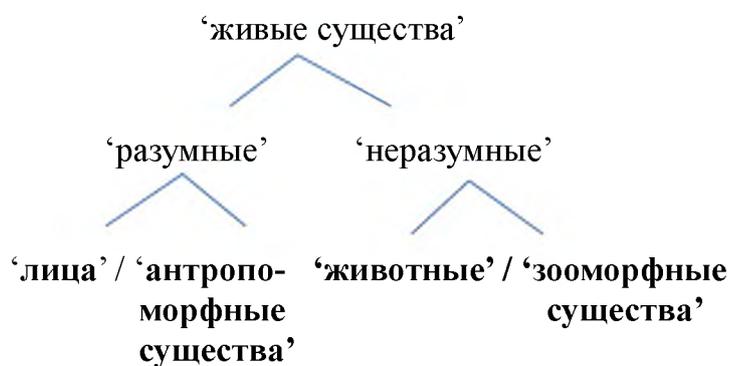
Значит, должны быть обнаружены и изучены и иные факторы, влияющие на способность рассматриваемых в данном параграфе дериватов выражать значение одушевленности или неодушевленности. К числу таких факторов может быть отнесён характер частного словообразовательного значения деривата, связанного с типом пропозициональных отношений между производящим и производным в рамках словообразовательной структуры деривата (имеются в виду прежде всего различия субъектных и объектных отношений, выражаемых в словообразовательной структуре деривата).

Третья глава диссертации («Строение словообразовательного поля одушевленности: система микрополей») состоит из шести разделов.

В разделе **3.1** отмечается, что при установлении структуры словообразовательного поля обычно речь идёт о разграничении центра поля и его периферии (см. исследования С.В.Гудиловой, М.И.Носачёвой и др.). Это очень важный аспект структуры любого языкового поля (А.В.Бондарко, М.В.Всеволодова, С.Г.Мамечков и др.). Но есть еще один, фактически неразработанный в дериватологии, аспект структурирования поля – его членение на микрополя.

Раздел 3.2 посвящен общему соотношению микрополей, входящих в состав поля одушевлённости. Разграничение элементов поля по признаку «поле ↔ микрополе» может основываться прежде всего на противопоставлении различных субкатегорий в рамках семантической категории одушевлённости (ЛИЦО, ЖИВОТНОЕ и ряд других;). В § 1.5.4 диссертации была представлена классификация субкатегорий в рамках семантической категории одушевлённости. Данная классификация позволяет установить несколько семантических типов слов, которые обозначают объекты действительности, так или иначе связанные с семантикой одушевлённости.

Эти семантические типы слов маркируются конечными рубриками предложенной нами классификации субкатегорий, выделяемых в рамках семантической категории одушевлённости. Рубрики (в таблице они выделены жирным шрифтом) включают следующие названия типов одушевлённых объектов:

Каждая из конечных рубрик этой классификации ('лица', 'антропоморфные существа', 'животные', 'зооморфные существа') потенциально может стать основанием для выделения особого микрополя в рамках словообразовательного поля одушевлённости.

Для того чтобы признать совокупность дериватов, входящих в ту или иную семантическую группу одушевлённых существительных, словообразовательным микрополем, нужно обнаружить существенные отличия в образовании хотя бы части производных слов в рамках данного лексико-семантического класса.

Раздел 3.3 посвящен характеристике микрополя названий лиц (антропонимов).

В § 3.3.1 («Лексико-семантическая база микрополя антропонимов») показывается, что объём лексико-семантического класса лиц, судя по материалам «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю.Шведовой ([СемС, т.1: 59-386]) весьма значителен, составляет 9697 лексических единиц, включая 37 общих названий для лиц и животных [Там же: 459-463] (ср. прыгун о человеке и о кузнечике).

Если учесть, что всего в словнике [СемС] нами было проанализировано методом сплошной выборки 10859 лексических единиц, то окажется, что все другие лексико-семантические классы одушевлённых существительных (названия животных, антропоморфных и зооморфных существ) в совокупности составляют в словнике [СемС] лишь 1162 лексических единиц. Следовательно, соотношение личных и иных одушевлённых существительных, как показывает анализ словника [СемС], таково:

личные существительные – 9697 (89,3%),

одушевлённые существительные других лексико-семантических классов – 1162 (10,7%).

В § 3.3.2 («Характеристика словообразовательного микрополя антропонимов») рассматриваются производные суффиксальные личные существительные, которые и составляют, по нашему убеждению, не только часть лексико-семантического класса личных существительных, но и особое микрополе в рамках словообразовательного поля одушевлённости. При этом данное микрополе является прототипическим для анализируемого поля. 86,50% от всех личных существительных в СемС (8388 лексических единиц из 9697) являются суффиксальными производными, тогда как, например, суффиксальных дериватов среди названий животных – лишь немногим более трети (38,90%) от полного состава данного лексического класса (405 лексических единиц из 1041).

Можно выделить несколько словообразовательных подклассов в рамках личного микрополя одушевлённых существительных.

I. Наиболее обширен подкласс отсубстантивных словообразовательных типов, образующих словообразовательные категории антропонимов. В рамках данного подкласса формируются как мутационные словообразовательные категории: *-аг(а)* (*стиляга*), *-евт* (*терапевт*) и т.д., так и модификационные: женскость (*магистрантка* ← *магистрант*), невзрослость (*царевич* ← *царь*) и т.д.

II. Подкласс словообразовательных типов отглагольных антропонимов: *-аг(а)* (*бродяга*), *-ир* (*командир*) и т.д.

III. Подкласс отадъективных антропонимов: *-ага* (*бедняга*), *-енец* (*младенец*) и т.д.

IV. Подкласс отадвербиальных антропонимов: *-ник* (*сообщник* ← *сообща*), *-ок* (*потомок* ← *потом*) и *-чк(а)* (*почемучка* ← *почему*).

V. Подкласс денумеративных личных существительных: *-ок* (*предок* ← *предлог* *пéред*).

Раздел 3.4 посвящен характеристике микрополя названий животных (т.е. зоонимов).

В § 3.4.1 («Лексическая база микрополя зоонимов») утверждается, что на базе лексико-семантического класса животных формируется особое микрополе в рамках словообразовательного поля одушевленности. Это микрополе составляет в количественном отношении 38,90% от состава указанного лексико-семантического класса. Развитие научных представлений о мире животных позволяет надеяться на появление новых дериватов-зоонимов.

§ 3.4.2 посвящён характеристике словообразовательного микрополя зоонимов. Считается, что два смежных лексико-семантических класса одушевлённых существительных (антропонимы и зоонимы) по своим словообразовательным особенностям или тождественны, или различаются лишь незначительными деталями. Наше исследование показывает, что это не так. Производные зоонимы имеют целый ряд существенных отличий от дериватов-антропонимов.

Общий перечень словообразовательных типов, включающих дериваты-зоонимы, обширен (включает 77 типов). Интересно, что словообразовательными типами, в рамках которых мы находим в [СемС] зоонимы, делятся, как и аналогичный список для антропонимов, на пять групп, но состав этих групп не совпадает. В рамках зоонимов реализуется возможность образовывать дериваты не только от глаголов (*свиристель*), существительных (*коноплянка*) и прилагательных (*сизарь*), но также от междометий (*киска*) и звукоподражаний (*кукушка*, *хрюшка*). Этой возможности нет у антропонимов, но они, как уже говорилось выше, способны образовывать дериваты от наречий и предлогов.

Второе отличие зоонимного словообразования от антропонимного – бросающееся в глаза обилие типов отсубстантивного образования зоонимов, в то время как для образования антропонимов характерно преобладание отглагольных словообразовательных типов. Лицо в словообразовании характеризуется прежде всего как деятель, производитель действия, а животное – скорее как носитель предметного и непроцессуального качественного признака.

Таким образом, микрополе зоонимов отличается в деривационном отношении от доминирующей составной части словообразовательного поля одушевлённости – микрополя антропонимов – целым рядом признаков (все эти признаки подробно рассмотрены в тексте диссертации).

Всё сказанное позволяет нам сделать вывод об отсутствии оснований для отождествления двух микрополей одного поля одушевлённости – антропонимов и зоонимов под общим наименованием «поле деятеля».

Эти микрополя тесно связаны между собой, они имеют значительную часть общих словообразовательных категорий и конкретных словообразовательных типов в рамках этих категорий. Статистически доминирующим является микрополе антропонимов. Но оно, как показано в диссертации, не поглощает микрополе зоонимов. Различия между разными микрополями нельзя не учитывать при общей характеристике структуры поля одушевлённости.

Раздел 3.5 посвящен проблеме выделения словообразовательного микрополя названий сверхъестественных антропоморфных существ (которые в диссертации обозначены особым термином: антропоморфонимы).

В § 3.5.1 («Лексико-семантическая база микрополя антропоморфонимов») показано, что этот лексико-семантический класс включает, по данным [СемС], 105 лексем, распределённых по нескольким ЛСГ в зависимости от источников, из которых пришли в современный язык обсуждаемые сейчас лексеммы, от сферы их первоначального «бытования»: «В религии, религиозной мифологии» (*Аллах*, *Ангел*, *Бог1*, *богиня1*, *богоматерь*, *гурия*, *мессия*, *чудотворец*; *антихрист1*, *бес1*, *демон*, *дьяволёнок*, *шайтан1* и т.д.); «В античной и средневековой европейской мифологии» (*амазонка1*, *кентавр*, *тролль* и т.п.); «В славянской и собственно русской мифологии, в сказках, народных поверьях» (*барабашка*, *вампир2*, *леший1*, *русалка*, *снегурка*; *Баба-яга*, *ведьма*, *ведьмак* и др.); «В гипотезах, предположениях» (*гуманоид*, *марсианин* и т.д.).

Но состав лексико-семантического класса антропоморфонов не сводится к фиксируемому в [СемС] набору «традиционных» лексем типа *гурия, русалка, ведьмак* и пр. В русском языке XXI века своё место в этом классе уверенно занимают слова типа *робот, киборг, андроид, трансформер, аватар, хоббит, покемон* и др., обозначающие фантастических антропоморфных существ. Мы не пытались дать целостную картину новых лексем-антропоморфонов – это предмет специального исследования. Наша задача заключалась в том, чтобы отметить современные источники активного пополнения класса антропоморфонов.

§ 3.5.2 посвящён небольшой, но очень важной части рассмотренного в предыдущем параграфе лексического класса, – словообразовательному микрополю антропоморфонов. Нужно сказать, что, к сожалению, ни одно из рассмотренных в предыдущем параграфе диссертации новых слов-антропоморфонов не может войти в материал нашего исследования. Слова *робот, андроид, аватар, хоббит* в современном русском языке являются, в соответствии с критерием производности слова по Г.О.Винокуру, непроизводными (ни к одному из этих слов невозможно подобрать производящую основу). В конечном итоге список анализируемых дериватов данного микрополя составляет 20 суффиксальных антропоморфонов. При этом, несмотря на свою малочисленность, может быть выделено особое микрополе антропоморфонов. Это микрополе обладает рядом специфических черт, отличающих его от других микрополей анализируемого словообразовательного поля. Отличия касаются:

1) общего устройства системы словообразовательных типов; эта система проще, чем у антропонимов и зоонимов, включает лишь три, а не пять групп производных по частеречным характеристикам производящего – различаются отглагольные (*оборотень, привидение* и т.п.), отсубстантивные (*леший, марсианин* и др.) и отадъективные антропоморфоны (последняя группа представлена лишь одним типом – с суффиксом *-ец*: *пришелец* ‘инопланетянин’);

2) конкретных суффиксов, функционирующих в рамках данного микрополя иначе по сравнению с другими микрополями; так, суффикс *-ни(е)*, обычно используемый для образования отвлечённых неодушевлённых существительных, в рамках рассматриваемого микрополя служит для образования деривата *привидение* ‘в народных поверьях, сказках: дух умершего (обычно насильственной смертью) человека или призрак воображаемого существа, являющийся людям’ [СемС: 394]), отмеченного, согласно [Зал.], признаком одушевлённости; суффикс *-урк(а)* используется в данном микрополе (*снегурка* – от *снег*) не так, как в микрополе антропонимов (ср.: *дочурка* – от *дочь*).

В разделе 3.6 ставится вопрос о выделении словообразовательного микрополя названий зооморфных сверхъестественных существ (зооморфонов).

В § 3.6.1 («Лексическая база микрополя зооморфонов») отмечается, что в рубрике «Сказочные, мифологические чудовища, фантастические животные-персонажи» [СемС: 458] находим 16 зооморфонов: *вазилск1, грифон1, дракон1* и т.д. Этот список далеко не закрыт, в наше время появляются всё новые сказочные

персонажи. Особенно много общеизвестных зооморфонимов появилось благодаря мультипликационным фильмам, которые популярны в самых разных возрастных группах типа *мультиашка, чебурашка, смешáрик* и т.д.

В § 3.6.2 («Вопрос о возможности выделения микрополя зооморфонимов») показано, что из 16-ти зооморфонимов, обнаруженных нами в словнике [СемС], пять являются суффиксальными дериватами: *грифон, змей, змий2, чудище, чудовище*, составляющими в деривационном отношении особое микрополе анализируемого в диссертации словообразовательного поля.

Четвёртая глава диссертации («Принципы разграничения центра и периферии словообразовательного поля одушевлённости») содержит результаты изучения строения словообразовательного поля одушевлённости с точки зрения выделения в поле центральной и периферийной зон.

Раздел 4.1 посвящён общим проблемам разграничения центра и периферии в рамках языкового поля с учётом идей, высказанных в исследованиях по теории языкового поля и анализу словообразовательных полей.

В разделе 4.2 излагаются основания классификации словообразовательных типов по признаку «отнесённость к центральной ↔ периферийной зоне поля одушевлённости»

Мы считаем, что при установлении места словообразовательного типа в структуре поля одушевлённости необходимо учитывать:

- 1) особенности семантики словообразовательного типа,
- 2) регулярность типа,
- 3) его продуктивность,

4) его пересекаемость/непересекаемость по форме с типами, входящими в другие словообразовательные поля.

В параграфах данного раздела рассмотрены все из указанных признаков, позволяющих распределить словообразовательные типы, входящие в поле одушевлённости, по различным сегментам центральной или же периферийной зон данного поля.

В § 4.2.1 обсуждается роль семантических особенностей словообразовательного типа при решении вопроса о месте типа в структуре словообразовательного поля. Вслед за М.Докулилом принято делить все словообразовательные типы с номинативной деривационной семантикой на мутационные и модификационные. Это различие имеет принципиальное значение для установления структуры поля одушевлённости.

Словообразовательные типы с мутационной семантикой (типа *петь* → *певец*; *умный* → *умник* и т.п.) своим словообразовательным формантом непосредственно выражают семантику одушевлённости. Словообразовательные типы с модификационной семантикой, например женскости или невзрослости (типа *певец* → *певица*, *слон* → *слонёнок*), не связаны непосредственно с выражением значения одушевлённости. Семантика ‘живое существо’ в дериватах с модификационной

семантикой выражена не словообразовательным формантом, а мотивировочной частью производного слова.

Исходя из сказанного, словообразовательные категории мутационного типа, непосредственно выражающие своим словообразовательным формантом значение живого существа, должны быть включены в центральную зону анализируемого поля. Напротив, словообразовательные категории модификационного типа могут претендовать на место лишь в периферийной зоне поля одушевлённости.

В § 4.2.2 («Фактор регулярности-нерегулярности типа при установлении его места в структуре словообразовательного поля одушевлённости») подчеркивается, что исключительно важны для характеристики словообразовательного типа признаки регулярности и продуктивности, разграниченные Г.О.Винокуром. По Г.О.Винокуру, признак регулярности словообразовательного типа связан с количеством дериватов, образующих данный тип. Степень регулярности словообразовательного типа связана, таким образом, с его количественными характеристиками, с числом дериватов, образованных при помощи данного словообразовательного форманта.

В § 4.2.3 («Продуктивность словообразовательного типа и место типа в структуре словообразовательного поля одушевлённости») отмечается, что место словообразовательного типа в структуре поля зависит не только от характера словообразовательного значения типа и его регулярности, но от продуктивности-непродуктивности типа (если же тип продуктивен, то от степени продуктивности). Продуктивные и регулярные словообразовательные типы мы относим к ядерному сегменту центральной зоны поля, регулярные, но непродуктивные типы – к приядерному сегменту центральной зоны, а нерегулярные типы – к припериферийному сегменту центральной зоны поля (примеры приведены ниже).

В § 4.2.4 («Формальная пересекаемость словообразовательного типа с типами других полей и влияние этого фактора на установление места типа в структуре поля») обращается внимание на то, что словообразовательные типы разных полей, обладающие общими (по звучанию) формантами, должны быть отнесены к периферийной зоне поля, причем занимать ее окраинный сегмент. Ср.: *-ат* (*стипендиат* и *деканат*), *-ник* (*шутник* и *подойник*) и т.п.

Раздел 4.3 («Строение центральной зоны словообразовательного поля одушевлённости») посвящён общей характеристике центра словообразовательного поля одушевлённости.

В § 4.3.1 («Состав центральной зоны анализируемого словообразовательного поля») благодаря семантическому критерию (мутационный или модификационный характер словообразовательной семантики), а также критерию формальной пересекаемости-непересекаемости словообразовательного типа с типами образования неодушевлённых существительных отграничивается центральная зона словообразовательного поля одушевлённости от периферии этого поля.

В рамках центральной зоны поля одушевлённости в соответствии с изложенными выше принципами разграничения центра и периферии поля, располагаются только не пересекающиеся формально с типами неодушевлённости

мутационные словообразовательные типы, дериваты которых выражают словообразовательными суффиксами опорную сему своего деривационного значения – ‘одушевлённый объект’ (т.е. ‘лицо’, ‘животное’, ‘антропоморфное ирреальное существо’, ‘зооморфное ирреальное существо’).

Таковы, например, словообразовательные типы отглагольных существительных с суффиксами *-лец* (*жилец*) и *-арь* (*токарь*), отсубстантивных существительных с суффиксами *-ер* (*пенсионер*) и *-ик* (*историк*), отадъективных существительных с суффиксами *-атор* (*новатор*) и *-ей* (*богатея*) и т.п.

В § 4.3.2 («Общая характеристика структуры центральной зоны поля») отмечается, что соотношение сегментов центральной зоны словообразовательного поля одушевлённости определяется комбинацией признаков продуктивности и регулярности словообразовательных типов. Словообразовательный тип может быть:

1. регулярным и продуктивным (таков тип отадъективных существительных с суффиксом *-ость*: *злость*, *серость*);

2. регулярным, но непродуктивным (таков тип отадъективных существительных с суффиксом *-от(а)*);

3. нерегулярным, но продуктивным (речь идёт не о нерегулярных типах в строгом понимании, по Г.О.Винокуру, когда тип представлен только одним дериватом, а о типах с низкой степенью регулярности, которые по традиции также называются нерегулярными, ср. рассмотренный в диссертации тип отсубстантивных существительных с суффиксом *-евт*: *фармацевт*, *терапевт* и т.п.);

4. нерегулярным (в том числе с низкой степенью регулярности) и непродуктивным (таковы словообразовательные типы, включающие дериваты *попадья* – 1 дериват, *пастух*, *петух*, уст. и разг. *титух* – 3 деривата и т.п.).

Естественно предположить, что регулярные и продуктивные типы с мутационным словообразовательным значением ‘живое существо, характеризующееся по действию/признаку/предмету’, должны составить ядро (ядерный сегмент) центрального сегмента поля одушевлённости.

Регулярные, но непродуктивные типы образуют приядерный сегмент центральной зоны поля. Здесь же должны занять место, как нам кажется, обладающие низкой степенью регулярности, но тем не менее продуктивные, по данным языка начала XXI века, словообразовательные типы.

Наконец, окраинный, граничащий с периферией поля, сегмент центральной зоны поля составляют нерегулярные и непродуктивные словообразовательные типы.

§ 4.3.2.1 («Ядро центральной зоны словообразовательного поля: регулярные и продуктивные типы») посвящен ядерному сегменту центральной зоны словообразовательного поля – т.е. регулярные и продуктивные типы, напр. с суфф. *-аг(а)* (*бродяга*), *-ак(а)* (*служака*) и т.д.

§ 4.3.2.2 («Приядерный сегмент центральной зоны: регулярные, но непродуктивные типы») посвящен характеристике регулярных, но непродуктивных типов: *-арь* (*токарь*), *-аль* (*макаль*) и т.д.

§ 4.3.2.3 («Припериферийный сегмент центральной зоны: нерегулярные и непродуктивные типы») посвящен описанию нерегулярные и непродуктивные типы: *-j(a)* (*судья*), *-ён(a)* (*гулёна*) и т.д.

Раздел 4.4 посвящён характеристике периферии поля одушевлённости.

В § 4.4.1 («Проблема установления периферийного сегмента словообразовательного поля одушевлённости») отмечается, что к полю одушевлённости можно отнести не только словообразовательные категории мутационного типа, непосредственно выражающие словообразовательными средствами значение ‘живое’, но и такие словообразовательные категории (например, невзрослость), которые не выражают своими формантами значения одушевлённости, но опосредованно указывают на это значение.

В § 4.4.2 рассматриваются принципы разграничения модификационных словообразовательных значений по М.Докулилу.

§ 4.4.3 посвящен развитию представлений о системе модификационных словообразовательных категорий в конце XX – начале XXI вв.

В § 4.4.4 («Модификационные словообразовательные категории как многоуровневая иерархическая система») отмечается, что при характеристике словообразовательных типов одушевлённых дериватов с модификационными значениями целесообразно вслед за Е.А.Земской различать не только словообразовательные категории в понимании В.В.Виноградова, но и 1) объединения таких категорий в гиперкатегории, а также 2) субкатегории в рамках словообразовательных категорий.

Так, например, словообразовательной категории женскости (*стюардесса*, *учительница*, *банкирша* и т.п.) в рамках гиперкатегории ‘биологический пол’ противопоставлена словообразовательная категория маскулинности, ср. *шельмец* ← *шельма*, *козёл* ← от *коза* и т.п.

В рамках словообразовательной гиперкатегории ‘невзрослость’ удалось выделить две категории – 1) со значением собственно невзрослости (*слонёнок*, *змеёныш*) и 2) с комбинированным значением ‘невзрослость + биологический пол’. Вторая из этих категорий может быть представлена как состоящая из двух субкатегорий: а) ‘невзрослость + маскулинность’ (*царевич*, *барчук*, *поварёнок* и пр.) и б) ‘невзрослость + женскость’ (*царевна*, *боярышня* и пр.).

Обе рассмотренные только что словообразовательные модификационные гиперкатегории однозначно связаны с семантикой одушевлённости: и биологический пол, и невзрослость – это семантические признаки, которыми характеризуются только одушевлённые объекты. Поэтому обе эти гиперкатегории подробно рассматриваются в реферируемой диссертации как принадлежащие сегменту периферийной зоны поля одушевлённости, находящемуся рядом с центральной зоной данного поля.

Но кроме указанных гиперкатегорий к анализируемому словообразовательному полю имеют опосредованное отношение еще две модификационные словообразовательные гиперкатегории – с деривационными значениями ‘размерность’ и ‘стилистическая модификация’.

Гиперкатегория размерности включает словообразовательные категории уменьшительности и увеличительности, причём номинативная размерность обычно сочетается с экспрессивно-оценочной уменьшительностью и увеличительностью (В.В.Виноградов, М.Докулил, Е.А.Земская, В.В.Лопатин, В.Н.Виноградова). Ср.: *книжечка* – ‘маленькая книга’ и ‘ласкательно о книге’; *следищи* – ‘большие следы’ и ‘негативная оценка следов как предмета речи’. Данная гиперкатегория принадлежит одновременно нескольким словообразовательным полям – одушевлённости (*братик*) и неодушевлённости (*билетик*), а также словообразовательному сегменту ФСП оценочности, детально охарактеризованному в докторской диссертации и многочисленных публикациях Т.В.Маркеловой, поэтому в нашей работе специально не рассматривается. Благодаря своему «пограничному» статусу эта гиперкатегория относится к дальней периферии поля одушевлённости.

Такое же место в структуре периферийной зоны анализируемого в диссертации словообразовательного поля занимает и гиперкатегория стилистической модификация (с рядом словообразовательных категорий, различающихся функционально-стилевыми значениями). Ср.: разг. *дуралей*, прост. *дурачище*, уст. прост. *дурьнда*, прост. неодобр. *дурилом* и т.п. Гиперкатегория стилистической модификации базируется на словообразовательных полях одушевлённости и неодушевлённости и реализуется в разветвлённой системе хорошо изученного поля стилистического словообразования (см. исследования В.В.Виноградова, Е.А.Земской, В.Н.Виноградовой, Янь Юй и других учёных). По этой причине эта гиперкатегория в данной диссертации детально не рассматривается.

В заключительных параграфах 4-й главы ставится вопрос о мутационных словообразовательных типах, включаемых в периферийную зону поля одушевлённости. Здесь подчеркивается, что не только рассмотренные выше модификационные типы образования существительных относятся к периферийной зоне словообразовательного поля одушевлённости. В эту же зону, в соответствии с изложенными в начале данной главы критериями установления структурных компонентов поля, входят все словообразовательные типы одушевлённых дериватов, которые формально пересекаются с типами образования неодушевлённых существительных (ср.: *преподаватель* и *выключатель*; полный перечень подобных типов, располагающихся на границе двух указанных словообразовательных полей, приведён в § 4.2.4).

Требует особого внимания еще один сложный вопрос, связанный с границами словообразовательного поля одушевлённости. Традиционно считается, что в это поле входит лишь субстантивная лексика. Мы полагаем, что к дальней периферии поля одушевлённости следует также отнести несубстантивные дериваты, которые расширяют частеречный состав словообразовательного поля одушевлённости. Так, предметом специального исследования должны стать все признаковые слова (прилагательные и глаголы, а также наречия и предикативы), которые вполне определенно информируют об одушевлённости существительного. Именно они входят в состав словообразовательного сегмента ФСП, анализируемого в

диссертации. Таковы, например, мотивированные неодушевлёнными существительными глаголы с суффиксом *-а-* типа *венчать, пластать, костылять* и т.п., всегда являются одушевлённо-маркированными. Ср. также отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ат-* (*усатый, горбатый, хвостатый* и т.п.; словообразовательные типы наречий типа *вразвалку*, безлично-предикативные слова типа *смешно*, которые также должны быть детально изучены в плане их отнесённости к крайней периферии словообразовательного поля одушевлённости.

В заключении диссертации подводятся основные итоги проведенного исследования. Анализ строения словообразовательного поля одушевлённости показал, что понятие «словообразовательное поле», введённое в 1969 году в практику словообразовательного анализа О.Г.Ревзиной, обладает большой объяснительной силой и может быть использовано при изучении и систематизации словообразовательного материала в рамках других словообразовательных полей (например, поля неодушевлённости).

Важнейшим результатом проведённого нами исследования явилось разграничение двух аспектов строения поля одушевлённости: 1) по микрополям, базирующимся на лексико-семантических классах антропонимов, зоонимов, антропоморфонимов и зооморфонимов, и 2) по двум основным зонам поля – центральной и периферийной, разграничиваемым с учетом собственно словообразовательных критериев (деривационная семантика словообразовательных категории, регулярность и продуктивность входящих в них словообразовательных типов, а также их формальная пересекаемость/непересекаемость с типами, принадлежащими другим словообразовательным полям).

Основные результаты исследования нашли отражение в следующих публикациях автора по теме диссертации:

1. *Шакар Р.* К изучению словообразовательных средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015, № 5. С. 171-184.

2. *Клобуков Е.В., Шакар Р.* Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 15-27. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

3. *Шакар Р.* Особенности реализации словообразовательного поля одушевлённости в русском языке начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016 б. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 189-197.

4. *Şakar R.* Rus dilbiliminde biyolojik cinsiyetin fonksiyonel-semantik alanının sözcüksel ve dilbilgisel karşılaştırılması (Сопоставление лексического и грамматического сегментов ФСП биологического пола в русском языке) //

International Journal of Academic Social Science Studies. Adıyaman, Türkiye. Number: 29, Autumn III 2014. P. 485-497. Doi number: <http://dx.doi.org/10.9761/JASSS2571>.

5. Шакар Р. К вопросу о соотношении лексического и грамматического сегментов в функционально-семантическом поле // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Выпуск 9. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 144-154.

6. Шакар Р. Функционально-семантическое поле одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 26-28 ноября 2015 г. М. МАКС-Пресс, 2015. Выпуск XVI. С. 682-685.

7. Шакар Р. Особенности выражения семантики одушевлённости-неодушевлённости словообразовательными средствами русского языка // Материалы Международного молодежного научного форума ЛОМОНОСОВ-2016 / Отв. Ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. ISBN 978-5-317-05237-9

Список сокращений

БАС₁ – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

БАС₂ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич; А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004— (издание продолжающееся).

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998; 2-е изд. СПб., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.

Зал. – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1980.

Ефр.₃ – *Ефремова Т.Ф.* Большой современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. 2006. 180 тыс. статей. [к версии Abbyu Lingvo x5].

ЛСГ – лексико-семантическая группа.

СемС – Русский семантический словарь / Под общей редакцией академика Н.Ю. Шведовой. Т. 1,2, М., 2002; т.3. М., 2003; т. 4, 2007 (издание продолжающееся).

ТихС – *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: Ок 145000 слов: В 2 т. М.: Русский язык, 1985; 2-е изд. – М.: Русский язык, 1990; 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2003.

ТС XXI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. [Текст] / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.

ФСР – Функционально-семантическое поле.